Статьи. Теория

Сквозь сети

Сергей С. Астахов

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Концептуальный стиль Ланкастерской школы в АСТ

doi: 10.22394/2074-0492-2019-2-18-44

Резюме:
В конце 1990-х годов многие исследователи в STS искали метафоры, чтобы заменить устаревший и раскритикованный словарь акторов и сетей. Э. Пикеринг, Д. Харауэй, Х. Кассинс, Дж. Ло и А. Мол вложили много усилий в создание нового языка. Основная задача статьи состоит в том, чтобы описать так называемую Ланкастерскую школу в АСТ (Ло, Мол) как особый концептуальный стиль.

В первой части статьи мы предлагаем картографию проблем, с которыми Б. Латур, Дж. Ло и А. Мол столкнулись в 1990-е годы. Акторно-сетевую теорию критиковали за глубоко спорные концепты времени и симметрии, за разрыв между этнографической чувствительностью и теорией Нового времени, за игнорирование феномена Инаковости. Мы реконцептуализируем эти проблемы как проблемы до-сетевого, над-сетевого и вне-сетевого. Во второй части мы анализируем, как Ло и Мол решают эти проблемы, создавая новый концептуальный стиль. Ло постепенно отходил от метафоры сети к таким более гибким абстракциям, как «модусы упорядочивания» и «методы-сборки». Вместе с Мол они разрешили проблему менеджериализма, введя в оборот концепты «потоков» и «дробных объектов». В третьей части мы описываем, в чем заключаются ключевые расхождения между двумя ветвями АСТ. Они по-разному интерпретируют рефлексивность и ретроактивность, расходятся во взглядах на природу Нового времени и предлагают разные подходы к контингентности.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, Ланкастерская школа, сеть, метод-сборка

Астахов Сергей Сергеевич — кандидат философских наук, преподаватель Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Научные интересы: современная метафизика, философия науки, социальная теория, акторно-сетевая теория. E-mail: sastakhov@hse.ru

Данная статья подготовлена на основе второй главы диссертации «Проблема контингентности в акторно-сетевой теории». Диссертация защищена в НИУ ВШЭ в 2017 году [Астахов 2017а].

Sergey S. Astakhov
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

The Conceptual Style of the Lancaster School in ANT

Abstract:
In the late 1990s, many researchers in STS were looking for new metaphors to replace the outdated and much-criticized vocabulary of actors and networks. Pickering, Haraway, Cussins, Law, and Mol put much effort into developing a new conceptual language. The main goal of the article is to conceptualize the so-called "Lancaster school" (Law, Mol) in ANT as a particular theoretical style. In the first part of the article, we propose a mapping of the problems that Latour, Law, and Mol encountered in the 1990s. ANT was criticized for its highly controversial concepts of time, the gap between its ethnographic sensitivity and theory of modernity, and for ignoring the phenomenon of alterity. We reconceptualize these critiques as problems of "pre-network", "above-network" and "outer-network". In the second part, we analyze how Law and Mol tried to solve these problems by creating a new conceptual style. Law gradually moved away from the metaphor of network towards more flexible abstractions like "modes of ordering" and "method assemblages". Together with Mol, they solved the problem of managerialism by introducing the concepts of "flows" and "fractional objects". In the third part, we explicate the key differences between the two branches of ANT. They interpret reflexivity and retroactivity differently, they do not agree on the nature of modernity; finally, they propose different approaches to contingency.

Keywords: actor-network theory, Lancaster school, network, method assemblage

Введение

В русскоязычных текстах принято разделять Парижскую и Ланкастерскую ветви АСТ (ANT)[1]. О двух школах пишут, чтобы показать,

Sergey S. Astakhov — PhD in Philosophy, Teaching fellow, National Research University Higher School of Economics (Moscow). Research interests: contemporary metaphysics, philosophy of science, social theory, actor-network theory. E-mail: sastakhov@ hse.ru

1 «Хотя сам термин "ANT" принадлежит не ему, Латур вполне может считаться основателем акторно-сетевой теории. В конце 90-х годов выделились две ветви ANT. Парижская ветвь, представленная самим Бруно Латуром и Мишелем Каллоном, … развивает общетеоретические и методологические интенции акторно-сетевого подхода … Вторая, ланкастерская ветвь ANT, представленная Джоном Ло (J. Law), Эннмари Мол (A. Mol), Мадлен Акрич (M. Akrich), Нильсом Альбертсеном (N. Albertsen), Викторией Синглтон (V. Singleton), развивает положения Латура в исследованиях науки и техники» [Вахштайн 2005: 100].

что АСТ — направление со сложной историей — не сводится к творчеству Бруно Латура и распространилось за пределы французской социологии. В.С. Вахштайн относит к Парижской школе М. Каллона и Б. Латура, к Ланкастерской школе — Дж. Ло, А. Мол и их аспирантов.

Однако это различие сложно обосновать. В обзорной литературе оно не пользуется популярностью: его нет у Дж. Заммито [Zammito 2004], А. Блока и Т. Йенсена [Blok, Jensen 2011], нет у Х. Шмидгена [Schmiedgen 2014], оно не встречается в признанных учебниках по STS [Sismondo 2010; Amsterdamska et al. 2007]. В этих работах Ло часто указывают среди отцов-основателей АСТ, но никто не называет его создателем Ланкастерской школы. Мол ничего не пишет о двух ветвях в своем обзоре [Mol 2010]; сам Ло и вовсе предпочитает говорить о множестве диаспор [Law 1997].

Но Вахштайн противопоставляет условные «Париж» и «Ланкастер» не на пустом месте. Напряжение между Латуром и парой Ло/Мол легко обнаруживается в публикациях конца 1990-х годов во время кризиса АСТ. Ло [2006: 233][1] обрушивается на «старый иерархический подход акторно-сетевой теории», Мол [1999] призывает к новой онтологической политике. В 2000-е они будут все дальше отходить от идей Латура. Впрочем, напряжение так и не выльется в открытый конфликт, из-за чего различие между Парижской и Ланкастерской школами до сих пор остается не до конца проясненным.

В этой статье мы хотели бы объяснить расхождения между построениями Латура и Ло/Мол. Для этого нужно рассмотреть, в чем заключался кризис АСТ. В конце 1990-х АСТ (в особенности латурианство) столкнулась с масштабной критикой. Извне критика исходила от историков науки, Пьера Бурдье, Эдинбургской и Батской школ[2]. Новый подход обвиняли в противоречиях и тавтологиях, дескриптивности, неоправданных имперских амбициях. Латура и Каллона упрекали в том, что они всегда занимают сторону сильных акторов. Будто бы для АСТ развитие сети зависит только от могущественных актантов, которые описываются отчасти как расчетливые политики Макиавелли, отчасти как успешные менеджеры технонауки. Острее всего такой макиавеллизм/менеджериализм АСТ показал С. Шэффер в рецензии на «Пастеризацию Франции»: Латур «лишь восстанавливает великого микробиолога в статусе чудотворца» [Schaffer 1991: 182]. Исследователь может долго выявлять сети, стоящие за успехом гениальных индивидов, все равно анализ вернется

1 «Впервые эта работа была представлена автором на конференции Sociality/Materiality: The Status of the Object in Social Science» (19 сентября 1999 г. Brunel University). — *Прим. ред.* [Ло 2015: 223].

2 См. обзор в [Астахов 2016].

от безликого множества к великим акторам. Критика изнутри АСТ и близких традиций была еще тяжелее. После аргументов С.Л. Стар [Star 1991], Н. Ли и С. Брауна [Brown, Lee 1994] стало ясно, что всеядность нового метода опасна, что сети — это инфраструктуры стандартизации, вытесняющие любых нестандартизируемых актантов. Сам Латур при этом игнорировал критику со стороны критической теории и исследований гендера.

Неудивительно, что его коллеги стали разрабатывать альтернативные подходы в рамках STS и за их пределами. Ло [Law 1994; Law 2004; Ло 2015], Мол [Mol 1999; Mol 2002a, Mol 2002b], Э. Пикеринг [Pickering 1995], Х. Кассинс [Cussins 1996], Д. Харауэй [Haraway 1994] и многие другие искали иные модели для связей между человеческими и нечеловеческими актантами. Вместо того чтобы рассматривать историю АСТ как противостояние двух лагерей, мы предлагаем рассматривать ее как поле, в котором тестируются новые гипотезы об отношениях между гетерогенными сущностями.

Такая перспектива не игнорирует расхождения между Латуром и Ло/Мол. Противостояние между ними было, но в рамках более широкого переосмысления модели сети как внутри, так и вне АСТ. В этой статье мы хотим описать прежде всего *концептуальные различия* и будем использовать сложившуюся терминологию. Под «Парижской школой» мы будем понимать особый способ аргументации и набор концептов, которые Латур и Каллон развивали в Горной школе Парижа с 1980-х до конца 1990-х годов, когда произошел кризис, и Латур отказался от принципа симметрии [Астахов 2017b]. Термин «Ланкастерская школа» будет отсылать к теоретическим построениям Ло и Мол в 1990-е и 2000-е годы. Что касается истории академических групп — кто как вербовал аспирантов, какие гранты получал, где и как публиковался, — она еще ждет своего исследования.

Далее мы предлагаем картографию проблем АСТ, удобную для сопоставления Ланкастерской и Парижской школ как разных концептуальных стилей, способов аргументации. Латур, Каллон и Ло ввели в оборот метафору сети, причудливо соединяющей человеков и нечеловеков. Мы хотели бы предложить топику новых парадоксов, которая бы учитывала этот концептуальный образ и одновременно намечала бы способы его переосмысления. К концу 1990-х годов ANT столкнулась с тремя большими проблемами: до-сетевого, над-сетевого и вне-сетевого.

До-сетевое

Акторно-сетевая теория всегда боролась за новое понимание времени. С конца 1980-х Латур настаивал на гибридной сущности време-

ни и доказывал обратную силу научных фактов. Когда Кох открыл возбудителя сибирской язвы в XIX веке, то его открытие получило гигантскую обратную силу: теперь все случаи сибирской язвы в прошлом должны были объясняться через деятельность тех же организмов.

Ретроактивность оказалась в центре внимания, когда в 1990-е годы релятивисты и реалисты схлестнулись из-за вопроса о природе научного знания. В ходе «научных войн» выяснилось, что идея ретроактивности подходит не для всех культурных доменов. Например, она едва затрагивает инженерное дело и архитектуру: если вокзал соорудили в 1846 году, едва ли можно сказать, что с этого момента он существовал всегда. Даже внутри исследований науки оставалось непонятно, как именно работает тезис об обратной силе фактов. Предположим, что открытие новой сущности захватывает не все прошлое, а только небольшой сегмент в несколько десятков тысяч лет. Как глубоко в прошлое можно продлевать онтологию актантов? В какой момент они становятся «вечными», как физические законы? И главное: как исследовать эти вопросы эмпирически?

И хотя факты распространяются в прошлое практически без ограничений, о сетях так сказать нельзя. Сети возникают и развиваются в историческом времени. Кох создал сеть, внутри которой он открыл возбудителя сибирской язвы. И хотя открытие ретроспективно распространяется в глубь веков, сама сеть Коха в прошлое не переносится. Парадоксально, но сеть Коха точно была моложе самой сибирской язвы. Возникает вопрос: как же сибирская язва существовала до сети? Изнутри самой сети ответить на этот вопрос нельзя — согласно раннему Латуру, для нее нет ничего внешнего. Можно сказать, что она сама вырабатывает свой внутренний образ внешнего. Конечно, ранняя АСТ не была солипсизмом сетей, но она не могла ухватить, как из взаимодействий актантов возникают прото-сетевые образования. Эту проблему мы будем дальше называть проблемой до-сетевого.

Над-сетевое

Проблема над-сетевого возникла, когда Латур вступил в дискуссию о модерне с книгой «Нового времени не было». В новой концепции Латур отошел от привычной этнографии локальных сетей. Сразу возникли очевидные сложности: как соотносится Новое время и временные режимы конкретных сетей? Всегда ли они согласованы? Как в принципе можно эмпирически исследовать так называемую «Нововременную конституцию» [Латур 2006а]? Термином «проблема над-сетевого» мы обозначаем весь пучок сложностей,

связанный с Новым временем как особым онтологическим режимом, координирующим самые разные технонаучные сети. Это не проблема времени в чистом виде, она смешивается с проблемой со-существования сетей.

Вне-сетевое

Акторно-сетевая теория противопоставила системам и структурам новую модель описания — сеть, объединяющую разнородных акторов/актантов. Латур, Каллон и Ло приложили серьезные усилия, чтобы концептуализировать разные виды связей между гетерогенными сущностями. Но на первых порах они проигнорировали, намеренно или нет, что же происходит вне сети. Латур прямо описывал сеть как замкнутую на себя [Latour 1988: par.1.4.3.], слепую к внешней среде.

Сеть не только соединяла человеческих и нечеловеческих актантов. Она исключала из своих связей самые разные сущности, она была далека от инклюзивности. Поэтому проблема Иного заложена глубоко в предпосылках раннего акторно-сетевого анализа. Развивая модель критики, Латур обвинял постмодернистов в фиксации на маргинальном: «Защита маргинальности предполагает существование тоталитарного центра. Но если этот центр и его целостность — иллюзии, то похвальное слово окраинам выглядит довольно смешно» [2006: 203]. Тем самым Латур не учитывал достижения гендерных и постколониальных исследований по осмыслению Иного. Однако он сам опирался на эмансипационный дискурс, дискурс либерально-демократический, когда говорил о нечеловеках [Brown, Lee 1994]. Признавая одни формы инаковости, АСТ пренебрегала другими, при этом проводя политику «колонизации» первых [Ibid.: 778-780].

С одной стороны, сеть, по Латуру, сама вырабатывала свое внутреннее и внешнее[1]. С другой, АСТ всегда призывала следовать за актантами, а многие актанты легко ориентировались в разных сетях и умели переключаться между ними. Ранее мы предложили обобщить проблему Иного до проблемы вне-сетевого: «Мы считаем, что Иными совершенно необязательно должны выступать только нечеловеки или только угнетаемые меньшинства — все зависит от того, кого дискриминирует конкретная сеть. Именно поэтому проблема Иного обобщается нами до формальной проблемы вне-сетевого. Под вне-сетевым мы понимаем не только еще не объединенных актантов, но и другие сети и сетевые образования» [Астахов 2016: 15].

1 Точнее, внутренний образ внешнего.

Именно проблему вне-сетевого будут пытаться разрешить теоретики во время кризиса АСТ, в частности Ло и Мол.

В широком смысле вне-сетевое включает в себя над-сетевое и до-сетевое. Но мы будем использовать это выражение в узком смысле для обозначения других сетей или сетевых образований, окружающих исследуемую сеть.

Ланкастерская школа и проблема вне-сетевого

Именно проблема вне-сетевого глубже всего затронула АСТ. Критика извне и критика из ближнего к АСТ круга указывали на парадоксы, возникавшие, когда дело доходило до Иного и со-существования сетей. Поэтому в конце 1990-х годов исследователи приходят к новым метафорам. Сам Латур реагирует на внутреннюю критику. Сначала он заимствует понятие троп у А. Кассинса [Cussins 1992]. Позже он вводит концепт плазмы, отсылающий ко всему, что не входит в сеть [Латур 2014]. При этом он еще дальше отходит от этнографической платформы АСТ к радикальной метафизике. Однако тезис о плазме только укрепляет изоляционизм, против которого он был направлен. Дело в том, что сеть по-прежнему остается слепа к своему вне-сетевому окружению. Именно поэтому Харман [Harman 2009: 134] считает, что плазма является источником нового в ситуации, когда новое не может возникнуть из отношений внутри сети.

Ланкастерский концептуальный стиль развивается, когда Ло и Мол пытаются решить проблему вне-сетевого. Концепция Ло обособляется с конца 1980-х — начала 1990-х годов. Уже в «Социологии монстров» [Law 1991] Ло проблематизирует статус Иного в АСТ, затем в своем исследовании лаборатории Дарсбери [Law 1994] он дополняет понятие сети таким понятием, как «модус существования». Когда он начинает работать вместе с Мол, новая версия АСТ разворачивается в пространстве антропологии медицины [Law, Mol 1994]. Они ставят под вопрос сетевую логику и предлагают сопоставить ее с логикой регионов и потоков. Исследование Мол и де Лаэт [Лаэт, Мол 2017] закрепляет изменения в аналитическом словаре. Наконец, уже в 2000-х в трактате о социальных методах Ло описывает АСТ через совершенно новую метафорику методов-сборок и хинтерландов [Ло 2015]. Дальше мы подробнее опишем ключевые моменты этой траектории.

Социология монстров

В своем предисловии к этапному сборнику «Социология монстров» Ло [Law 1991: 2] признает, что исследования науки и технологии,

озабоченные собственными эпистемологическими проблемами, долгое время игнорировали проблемы класса, расы и гендера. Поэтому он хочет ввести проблематику угнетаемых меньшинств в акторно-сетевой дискурс. Он пытается объяснить, почему так много внимания уделяется сильным акторам, например Пастеру. Его первый довод — анализ показывает, что большие и могущественные акторы на самом деле ничем не отличаются от других, кроме того, что у них больше ресурсов. Различия не так принципиальны, не так сущностны. Второй довод состоит в том, что именно через сильные актанты лучше просматриваются способы упорядочивания гетерогенных сетей. «Если мы хотим понять современный мир, не имеет смысла смотреть на провалы. Скорее, мы должны изучать победы или, возможно, героические поражения» [Ibid.: 13].

Однако Ло отлично понимает, что эта логика в конечном счете приводит к менеджериализму [Ibid.: 15]. Латуровская социология власти теперь не работает. Он предлагает учитывать различия в распределении власти; нужно уделять внимание не только «государям», но и «молчаливым массам», «проигравшим», «жертвам» — Иному. Ло находит решение в контингентности. Исследователь не обязан возвращаться к тем же сильным акторам, которых он «разбирал» на гетерогенные сети. Он должен мыслить, может ли быть иначе. Ло [2015] говорит об эпистемологической скромности, которая позднее развернется в «скромную методологию».

Модусы упорядочивания

Проблема Иного указывала на недостатки сетевой метафорики с ее изоляционизмом. Первым понятием, призванным если не заменить, то дополнить сетевой словарь, стали «модусы упорядочивания» (modes of ordering) [Law 1994]. Ло пришел к идее модусов, проводя исследование в лаборатории Дарсбери. Он разрабатывает замену таким концептам, как «стиль мышления», «идеальный тип», «идеология», отталкиваясь от латуровской интуиции сети. С его точки зрения, в сетях производятся и воспроизводятся определенные паттерны, закономерности. Для тех отделов лаборатории, которые он изучал, в книге выделяются четыре модуса: 1) модус предприимчивости (enterprise); 2) модус администрирования (administration); 3) модус видения (vision); 4) модус призвания (vocation). Каждый из модусов обозначал особый способ упорядочивания человеческих и нечеловеческих взаимодействий. Если говорить языком ранней АСТ, модус — это аналог перевода [Ibid.: 101]. Именно модусы производят определенные типы агентности внутри лабораторной сети, а не наоборот.

Пытаясь обойти проблему менеджериализма/макиавеллизма, Ло совмещает АСТ с символическим интеракционизмом. Для Ло интеракционизм — это «социология аутсайдера». Если АСТ показывает, как сильные акторы подавляют слабых, как происходят замалчивания, то символический интеракционизм оказывается «языком, производящим рассказы из подполья, рассказы, нарушающие молчание» [Ibid.: 105]. Как бы не различались два направления, у них есть общая черта: они предполагают, что могущественные акторы сильны не по природе вещей, что это результат борьбы.

Кроме того, Ло берет у Фуко идею дискурса. Именно дискурс Ло называет базовым концептом, из которого он развивает интуицию модуса упорядочивания. Он предлагает модифицировать концепт; для этого нужно учесть, как дискурсы «выполняются, воплощаются и разворачиваются в разных материалах» (how they are performed, embodied and told in different materials) [Ibid.: 95]. Согласно Ло, дискурсы существуют не только в пределах языка, они встроены в лабораторное оборудование как латуровские записи (inscriptions). Одновременно Ло критикует Фуко: тот не описывает, как дискурсы взаимодействуют друг с другом. Более того, мы никогда не знаем, где именно заканчивается один дискурс и начинается другой; мы «всегда уже» внутри. Ло ослабляет своеобразную «гегемонию» дискурса: дискурсов много, это всего лишь паттерны в переводах сетей, они могут исполняться по-разному и, конечно, они могут хуже или лучше накладываться друг на друга. Сама работа по выделению модусов связана с обработкой эмпирических данных — паттерны нельзя задать аксиоматически, за что Ло критикует Л. Болтански и Л. Тевено [Ibid.: 83].

Удивительно, но Ло не критикует понятие сети. Хотя его очевидно недостаточно, раз аналитический словарь нужно дополнять «модусами упорядочивания». Ло много работал с Ли Стар, признавал макиавеллизм АСТ, и поэтому мы полагаем, что в его критических пассажах за образом Фуко часто скрывается образ Латура. В конце концов сети в его исследовательском контексте имеют большее значение, чем дискурсы. Каждый раз, когда он упрекает Фуко в том, что его дискурсы не взаимодействуют, что невозможно выбраться из «тюрьмы дискурса», мы должны слышать слово «сеть». В этом смысле модусы упорядочивания ограничивают сетевой империализм, пытаются вынести на передний план проблему Иного.

Потоки

Следующий шаг Ло делает вместе с Мол, перемещаясь из исследований науки в сферу социологии и антропологии медицины. На ос-

нове данных, полученных от «тропических докторов»[1], они исследуют, как диагностируют анемию в Нидерландах и Зимбабве [Law, Mol 1994]. Ло и Мол хотят показать, что для такого сопоставления ресурсов обычной АСТ не хватает.

В Нидерландах анемия достаточно редкий диагноз, в то время как в разных африканских странах анемия часто сопровождается другими заболеваниями: малярией, паразитическими болезнями [Ibid.: 645]. В африканских регионах уровень гемоглобина часто ниже, а анемия принимает более серьезные формы. Чтобы сказать, что уровень «ниже» или «выше», нужно примириться с определенными статистическими процедурами, с усредняющими коэффициентами. Так конструируются *региональные различия.* Но границы между регионами также подвижны, и кто-то создает целые карты регионов. Чтобы разобраться в этих механизмах, Ло и Мол обращаются к АСТ и включают *сетевую* оптику. Сравнивать средние уровни гемоглобина по регионам можно тогда, когда есть стандартизованная сеть измерения гемоглобина у населения. В логике латуровской АСТ именно сети порождают регионы. Но и сетевые объяснения связаны с определенными трудностями [Ibid.: 650-655]. В Африке получение и обработка нужных данных проводится совершенно иначе, чем в Нидерландах. Не все оборудование можно перевезти, и в Зимбабве медики могут использовать давно устаревшую технику, требующую специальных навыков. Кадровые возможности в больницах первого и третьего мира разные.

Ло и Мол считают, что в этой ситуации концепт «сети» перестает работать. Они вводят новую форму пространства, дополняющую регионы и сети. «Есть анемия “здесь” и анемия “там”. Но они не входят в единую сеть. Элементы не закреплены, связи между ними меняются» [Ibid.: 657]. Это не сети, но и не регионы, так как у них нет четких границ. Скорее речь должна идти о текучести, о потоках: трансформация анемии от места к месту происходит без «региональных» разрывов. Анемия обладает текучестью[2]. Если для сети принципиально важно сохранять неизменными базовые тождества[3], то потоки постоянно меняются, хотя и у их гибкости есть пределы. Где у сети должно поддерживаться одно состояние актантов, потоки допускают самые разные вариации. Кроме того, у потоков нет «пунктов обязательного прохождения», нет центра. Еще Харман отмечал, что в латуровских сетях актанты абсолютно взаимозави-

1 Тропическая медицина занимается вопросами и проблемами здравоохранения в странах тропического и субтропического регионов.

2 Мы используем термины «потоки» и «текучесть» как синонимы.

3 Если не соблюдались лабораторные условия, вакцина Пастера против сибирской язвы переставала работать.

симы. В потоках же таких тесных связей нет, поскольку они бы серьезно ограничивали трансформации.

Другой яркий пример такого рода потока — это знаменитый зимбабвийский насос из совместного исследования Э. Мол и М. де Лаэт. У него нет четких границ: «Насос — это механический объект, гидравлическая система, но также и устанавливаемое общиной устройство, фактор здоровья и аппарат строительства нации ... В каждой из идентичностей втулочного насоса заключен определенный *вариант* его окружения» [де Лаэт, Мол 2017: 220]. Он может функционировать множеством различных способов, в том числе не предусмотренных создателями. Для его работы не всегда нужны все комплектующие, некоторые детали могут быть сделаны вручную. Наконец, у него нет одного создателя: «... по словам Моргана, насос принадлежит ему не больше, чем Маргатройду, фон Эллингу или операторам насоса, которые заменяют болты на прутки» [Там же: 215].

Последний пункт особенно важен, поскольку он показывает, что в потоках нет могущественных акторов, к которым мы возвращаемся после анализа сетей. А значит, Мол и Ло обошли макиавеллизм/менеджериализм раннего Латура. Они показали типы взаимосвязи, не сводящиеся к стандартизации и дискриминации.

Регионы, сети и потоки/текучести — три типа пространственности, которые, по Ло и Мол, постоянно дополняют друг друга. Окончательное оформление новой топологии происходит после кризиса 1999 года [Ло 2006]. Именно в это время конфликт постепенно становится заметнее: Ло начинает выступать против «старого иерархического подхода акторно-сетевой теории» [Там же: 233]. Для старой АСТ, по его мнению, сети были первичны по отношению к регионам и потокам, они были автономны. В новой же оптике все типы пространственности рассматриваются как Иные по отношению друг к другу, что не мешает им производить друг друга и пересекаться, создавая мультитопологические объекты [Там же: 239].

Там, где Латур продвигает тезис об изолированности сети, у Ло расцветают метафоры взаимодействия. Не только разные формы пространственности определяют друг друга, но объекты и пространства тоже встроены в со-производство гетерогенной реальности. Ло сознательно наносит удар по идее изоляции: «Аргумент ANT таков: когда создается (сетевой) объект, создается также и весь (сетевой) мир...». И дальше в сноске: «Вот почему некоторые теоретики ANT иногда говорят, что ничего не существует вне сети. Впрочем, это ведет к развитию “сетевого колониализма”, утверждению идеи сетевого пространства как первичного, что само по себе неверно» [Там же: 232]. Вместо ограниченности сети проводится идея взаимо-

зависимости объектов и разных пространственных форм. Метафора «мира внутри сети» выворачивается наизнанку.

Методы-сборки и хинтерланды

Ло и Мол не остановили свои исследования на потоках. В конечном счете текучие связи были лишь частным случаем гетерогенности. Ланкастерская школа стремилась найти предельно гибкое понятие, позволяющее ухватить и сети, и модусы упорядочивания, и потоки. Таким понятием стала метод-сборка (method assemblage) в трактате «После метода».

Термин «метод» у Ло отсылает не только к методичности научных дисциплин, но и к критике метода, предпринятой в философии науки и STS. Кроме того, «метод» оказывается связан с этнометодологической традицией. Как и Гарфинкель, Ло [2015: 300-304] считает, что не только ученые, но и другие акторы применяют конкретные методы, чтобы выстраивать упорядоченную деятельность. Что касается идеи сборки, она берется из работ Делеза и Гваттари. «Сборка — это процесс связывания, собирания или, лучше, рекурсивного само-собирания, в котором соединяемые элементы не приобретают фиксируемую форму... а конструируются в ходе взаимного переплетения» [Там же: 92].

Когда «сборка» добавляется к «методу», возникает возможность ухватывать «текучести, рассеяности, переплетения» [Там же: 89]. Иными словами, само понятие метода становится мягче, свободнее и одновременно «медленнее». Именно эти неопределенные свойства позволяют методу-сборке поглотить понятие сети: в результате Ло чрезвычайно редко прибегает к исходной латуровской модели, термина «сеть» даже нет в предметном указателе «После метода» [Law 2004: 183-188]. Конфликт двух концептуальных стилей становится все очевиднее.

Самая же главная черта метода-сборки состоит в том, что она всегда проводит различие между присутствием, явленным отсутствием и Иным [Ло 2015: 89]. Если взять знакомый пример с зимбабвийским втулочным насосом[1], то присутствием будет все, что непосредственно входит в его конструкцию или позволяет работать: скважина, водоотвод, база, рычаг, кожух с прокладками. Все, что оказывается внутри текучести как метода-сборки. В свою очередь явленным отсутствием становятся многочисленные локальные

1 Его Ло тоже рассматривает, тем самым показывая, что потоки — это лишь одна из множества форм метода-сборки, отличающаяся относительной несвязностью (incoherency).

контексты, в которых насос видоизменяется. Одна ситуация — это производство конкретного насоса; другая — его установка в зимбабвийской деревне; третья — замена устаревших деталей. Наконец, Иными оказываются все обстоятельства, не имеющие отношения к присутствию, практически не релевантные для него.

В этой схеме явленное отсутствие оказывается буферной зоной между конкретным, локальным присутствием и бесконечным Иным. Ведь для втулочного насоса Иным будет все, что его прямо не затрагивает. Однако Ло и тут не допускает абсолютной изоляции: Иное включает в себя «бесконечное разветвление процессов и контекстов “там-вовне”, которые одновременно необходимы для того, что “здесь-внутри” и невидимы для него» [Там же: 93]. Другими словами, присутствие метода-сборки определенным образом встраивается в Иное, между ними нет абсолютного разрыва, их связывает линия градиента. «Встраиваться» — неточный глагол, поскольку метод скорее производит Иное, учреждая границы между ним, явленным отсутствием и присутствием. Ранний Латур же всегда настаивал на разрыве между сетью и внесетевым.

Новый словарь Ло дополнила идея «хинтерланда». Хинтерланд[1] обозначает совокупность реалий, пред-существующих конкретному методу-сборке. Н. Руденко предлагает любопытный пример. Биологи давно установили, что яркая окраска бабочек объясняется не только пигментами, но и тем, как их тела отображают и рассеивают свет. Возьмем конкретное утверждение: «Некоторые виды бабочек имеют определенную структуру тела, называемую героид, которая отражает и рассеивает свет» [Руденко 2012: 40]. За этим суждением стоит целая инфраструктура из других тезисов разной степени обоснованности, а также из совокупности материальных отношений, без которых героид очень сложно представить.

Ло противопоставляет хинтерланд идее внешней реальности. С точки зрения стандартного научного реализма, ученые лишь открывают те объекты и факты, которые всегда были во внешней реальности, но по какой-то причине оставались недоступными. Ло, как и другие теоретики АСТ, наоборот, уверен, что внешняя реальность производится методами-сборками. И хинтерланд обозначает локальные связки реалий, которые пред-существуют конкретным сборкам.

1 Н.И. Руденко так разъясняет исходное значение слова «hinterland»: «Термин может обозначать внутренние районы страны, удаленные от берега территории, глубокий тыл и т.д. Поскольку ни одно из этих значений не исчерпывает поднятую проблематику, мы оставляем термин без перевода» [Руденко 2012: 40].

Хинтерланд — это глубоко полемический концепт. Во-первых, Ло использует его, чтобы описать лабораторную антропологию Латура и Вулгара, и при этом практически не упоминает сети. Стоит ли говорить, что в «Лабораторной жизни» нет понятия хинтерланда. Во-вторых, хинтерланд избыточен. Он обозначает «топографию реалий-возможностей», задает потенциальные траектории метода. Но ту же функцию для сетей уже выполняли черные ящики и пункты обязательного прохождения. В действительности между ними есть серьезное различие: черный ящик и пункт обязательного прохождения представляются единичными сущностями, хотя за ними стоит множество активных элементов. Хинтерланд же не единичен, он — целая область, что-то среднее между конкретным актантом и всей методом-сборкой. При этом у каждого конкретного хинтерланда нет четких границ: как выражается Ло [2015: 89], он «постоянно разветвляется», его «границы проницаемы и распространяются наружу во всех направлениях». Хинтерланд зимбабвийского насоса — это патент, заводы, обслуживающие его специалисты, национальная политика правительства Зимбабве.

Зачем Ло понадобился новый концепт? Ведь черные ящики и пункты обязательного прохождения отлично подходили для эмпирического анализа: они опирались на конкретные актанты, не растворяя агентность в холизме технонаучных сетей. Все дело в том, что эти понятия мало что говорят о прошлом и проблеме до-сетевого. В конечном счете черный ящик — это тот же актант. Хинтерланд же ухватывает проблему предсуществования, при этом его неопределенность и разветвленность дают Ло возможность избежать любых жестких форм предопределения. Хинтерланд настолько гибок, что нельзя сказать, какие объемы прошлого он переносит в настоящее.

Метод-сборка и хинтерланд тесно взаимосвязаны. Ло применяет тут уже знакомый аргумент: метод-сборка и хинтерланд со-производят друг друга. При этом они не тождественны: метод схватывает не все ветви хинтерланда. Иначе он попадал бы в другие сборки, поскольку хинтерланды разных сетеобразных формаций частично пересекаются. Метод оказывается чем-то вроде переднего фронта хинтерланда, его сконцентрированной способностью перестраивать саму сборку. Вместе же хинтерланд и метод производят «внешнюю» реальность [Там же: 82].

Ло и Мол стремятся включить в понятие методов-сборок сети, модусы упорядочивания и потоки как конкретные типы сборок[1].

1 Вся обобщающая работа проделывается в «После метода»: сети переопределяются для скромной методологии во второй главе, потоки — в третьей, а модусам упорядочивания посвящена отдельная вставка.

Именно благодаря методам-сборкам Ланкастерскую школу можно описать как особый стиль, не делая отдельных концептуальных схем для разработок Ло или Мол разных периодов. Новая стратегия перенимает экспансионизм симметричной АСТ, но парадоксальным образом развивает его в стиле «скромной социологии».

Расхождения между концептуальными стилями

Ланкастерский концептуальный стиль, или Ланкастерская школа, обособляется в 1990-е годы и к началу кризиса АСТ уже легко выделяется на фоне классического латурианства и альтернативных подходов. Однако и сам Латур уходит от своей ранней теории, симметричной АСТ: он отказывается от принципа симметрии[1], обращается к Уайтхеду и Тарду, работает над концепцией модусов существования. «Парижская школа», которую критиковали Коллинз и Йерли, остается в 1990-х годах. Несмотря на это, ее образ по-прежнему доминирует в STS; даже Ло и Мол в большей степени полемизируют не с актуальными разработками Латура, а с ранней АСТ.

В последней части статьи, сопоставляя Ланкастерскую и Парижскую школы, мы на самом деле будем сравнивать симметричную АСТ с концепцией методов-сборок Ло и Мол. Мы покажем, что теория методов-сборок все-таки не может охватить ранний проект Латура. Расхождения между концептуальными стилями оказываются слишком велики: они совершенно по-разному осмысляют проблемы вне-, до- и над-сетевого.

Первое различие между стилями связано с понятием рефлексивности. Принцип симметрии раннего Латура вынуждал методолога отказаться от идеи метадискурса: «В глубине души (мета)рефлексивных писателей жива возможность достичь метаязыка, с позиции которого можно было бы дать оценку всем инфраязыкам … Редукционизм подобной позиции показывает, что рефлексивные писатели верят, будто возможен конечный уровень» [2012: 15]. Вместо метаописаний он предлагает понятие инфраязыка. Также Латур критиковал ключевое для метарефлексивности понятие самореференции. С семиотической точки зрения, добавление странных языковых конструкций, задание новых уровней нисколько не прибавляет рефлексивности ни ученому, ни его работе. У всех акторов есть базовая способность к рефлексии, и никакие ухищрения ее не развивают: «Текст о том, как Малиновский пишет о балийцах, не более и не менее рефлексивен, чем то, что говорят сами балий-

1 Подробнее см. [Астахов 2017].

цы» [Там же: 13]. Их ни в коем случае нельзя называть «наивными». Понятие рекурсии вступает в противоречие с инфрарефлексивной моделью.

Ло не различает метарефлексивность и инфрарефлексивность. Говоря о рефлексивности, он способен одновременно отсылать и к этнометодологам, и к Б. Барнсу, который считал социальные роли и институты самореференциальными образованиями. Так, он называет социальное принципиально рекурсивным [Law 1994: 14-15], а АСТ оказывается рекурсивной социологией процесса [Ibid.: 100]. Он признает метарефлексивность и именно потому активно использует понятие рекурсии для описания сетей, модусов упорядочивания, а затем и любых сборок вообще [Ло 2015: 13]. Если сборка устроена как сеть, в ней есть асимметрии, то есть распределение центров[1] и периферий. Центры в свою очередь упорядочивают гетерогенные связи, отслеживает их динамику и на основе полученной информации решают, как сети действовать дальше. Получается, что они оказываются локальными источниками метаописаний.

Второе расхождение касается проблемы до-сетевого. Ранний акторно-сетевой подход признавал ретроспективность на самом фундаментальном уровне. «Силы, которые вступают в союз в ходе испытания, считаются надежными. Каждая энтелехия создает времена для других, вступая с ними в союз или предавая их. “Время” возникает в конце этой игры, игры, в которой большинство проиграло то, что поставило» [Latour 1988: par. 1.2.5]. Иными словами, само время рассматривалось как следствие взаимодействия актантов. Можно было бы сказать, что тут речь идет о логическом предшествовании, а не о временном, но сам Латур не одобрил бы подобное различение. Ретроспективность — важнейшее понятие его концепции темпоральности, и оно оказывается главным источником проблем, связанных с симметрией. Но проблемы эти носят не просто технический характер, они принципиальны для социальной теории [Астахов 2017b].

Ло придерживается другой позиции. Он уверен, что ретроспективность возникает в результате своеобразного «заметания следов». В любой лаборатории сначала есть хинтерланд человеческих и нечеловеческих взаимодействий, потом ученые с его помощью производят новые связи и даже сущности. А затем, чтобы представить свой результат как объективный и независимый, они стирают все следы практик, с помощью которых они достигли успеха [Ло 2015: 79-80]. И тут происходит удивительная «инверсия»: «Манипуляция

1 Латур [2013] предпочитает говорить о «центрах калькуляции».

записями не рассматривается больше как способ создания отдельных реалий. Напротив, реалии суть то, что есть сначала» [Там же: 81]. Из реально предсуществующего локального хинтерланда возникает иллюзорно-предсуществующая внешняя реальность. Можно сказать, что для Ло ретроспективность оказывается не фундаментальным онтологическим феноменом, а последствием рутинизации и сокрытия внутренней структуры сборки.

Латур пытался понять, как настоящее трансформирует прошлое, не прибегая к стандартным конструктивистским аргументам. Ло в свою очередь, предлагает решение для проблемы до-сетевого, предельно упрощая, практически игнорируя все трудности с ретроактивностью. Но так как он не проясняет свою общую концепцию темпоральности, его стратегию едва ли можно назвать продуктивной.

Третье отличие относится к проблеме над-сетевого. Латур тщательно выстраивает свое понимание Нового времени, вводит понятие «Конституции», критикует все альтернативные философии, выдвигает собственную утопию — Парламент Вещей. Что же касается Ло и Мол, то очень сложно понять, насколько они поддерживают латуровскую теорию модерна. Мол [Mol 1999: 32-33], очевидно, заимствует лишь некоторые доводы. Ло же оказывается открыт не только Латуру, но и множеству других теоретиков модерна, включая М. Вебера, К. Маркса, Н. Элиаса и З. Баумана [Law 1994: 6-8]. Он постоянно использует понятие «высокий модерн» (high modernity), отсылающее к творчеству Э. Гидденса. С его точки зрения, именно модерн породил идеал чистого социального порядка, оспариваемого АСТ. В то же самое время он считает сети «стратегиями модерна» [Ibid.: 96], а модусы упорядочивания «воплощениями модерна как проекта» [Ibid.: 138]. Латур в «Нового времени не было» говорит о сети в более широком значении, описывая как сетевые любые союзы актантов, в том числе и до-модерные общества. Ло вроде бы понимает термины в более узком значении, но его взгляд на саму проблему модернизации остается размытым.

Уже из третьего расхождения становится очевидно, что Ланкастерская школа стремится решить проблему Иного не только на концептуальном уровне, но и на уровне внешней теоретической политики: Ло и Мол простраивают все возможные связи с другими социологическими традициями. В некоторых случаях Ло даже называет подходы Гидденса, Бурдье и Элиаса симметричными социологиями [Ibid.: 11], имея в виду их радикальное отношение к проблеме микро/макро. Ранний Латур же, несмотря на эклектичность своей модели, гораздо аккуратнее заключал союзы. Иногда он посвящал целые статьи дипломатическим задачам: в одной работе он

дистанцировался от французской эпистемологии науки [Bowker, Latour 1987], в другой показывал, как фрейм-анализ Гофмана встраивается в АСТ [Латур 2006b], в третьей демонстрировал, какого рода психология сочетается с акторно-сетевыми установками [Latour 1995]. С одной стороны, он заключал множество альянсов, с другой — многих потенциальных союзников он критиковал или игнорировал, лавируя между доминирующими трендами в социальной теории и философии.

Четвертое расхождение разворачивается вокруг вопроса о вне-сетевом. Ранний акторно-сетевой анализ понимал сеть как жестко изолированную и замкнутую на своих внутренних процессах. При этом Латура с уверенностью можно назвать теоретиком трансдисциплинарности: сетевые связи пересекают разные научные дисциплины и культурные домены. Изоляционизм, как мы предположили раннее [Астахов 2016], сочетался с методологической свободой в установлении симметрии и завершении анализа. Когда же речь заходит о коммуникации сетей, в текстах лишь на разные лады повторялась идиома конкурентной борьбы [Латур 2013: 49-168].

Ло и Мол всегда говорят о проницаемости границ любых сборок, сетей и логик. Они разрабатывают множество концептов для описания взаимодействия разных сетей и сетевых образований: модусы упорядочивания, потоки, логики и в конечном счете методы-сборки. Кейсы анемии и втулочного насоса показывают, насколько гибкими, текучими могут быть паттерны, ухватывающие гетерогенную реальность. Ланкастерская школа увидела в анемии и втулочном насосе самостоятельные методы-сборки, взаимодействующие с сетями и материальными контекстами. Но что случается, когда методы сборки встречаются и создают общую сущность? Исследуя подходы к атеросклерозу в нидерландских клиниках, Мол обнаружила пять разных способов диагностики заболевания.

Методы терапевта в клинике отличаются от методов патолого-анатома и от оперативной диагностики — эндартерэктомии [Ло 2015: 104-108]. Ангиография обнаруживает одни симптомы, дуплексное сканирование дает другие. Поскольку мы отказываемся от представления о предсуществующей и независимой реальности, мы должны признать, что эта болезнь со-конструируется врачами, специальной аппаратурой и телами пациентов, причем в пяти разных версиях. Разные методы-сборки совместно порождают феномен атеросклероза.

В своем стремлении к открытости и анализу взаимодействий Ло и Мол следуют здравому смыслу STS: в гетерогенной реальности нет действительно автономных процессов, все переплетено

и постоянно взаимодействует. Поэтому они теряют из виду все преимущества изолированной сети. Прежде всего тезис о замкнутости нужен, чтобы избежать холизма. Дело в том, что реляционные установки АСТ позволяют описывать любые связи между элементами, у них нет внутренних ограничений. Всегда есть угроза, что связи «расползутся» по неопределенному множеству действующих сил. В пределе может оказаться, что все связано со всем.

Далее изоляционизм позволяет подчеркнуть внутреннюю логику переводов, образующих сеть. Если переводы проходят через самые разные культурные регионы и научные дисциплины, есть угроза его растождествления. Замкнутая сеть же способна поддерживать совершенно определенные режимы циркуляции, например конкретную систему мер и весов.

Однако у тезиса об изоляции есть и недостатки. В изолированной сети объект существует полностью, не по частям. Иначе какая-то часть объекта была бы отрезана от других его составляющих. Когда в лаборатории открывается новое вещество, оно открывается полностью, и факты о нем циркулируют в замкнутых контекстах (даже если эти контексты продолжают расширяться, как было с вакциной от сибирской язвы Пастера). Именно поэтому ранняя АСТ не ухватывала феномены, встраивавшиеся сразу в несколько внутренних логик. Этими феноменами и занялась Ланкастерская школа.

Мол исследовала, как атеросклероз формируется между кабинетом терапевта, лабораторией и операционной. Данные, полученные благодаря ангиографии, не полностью соответствуют результатам, которые могут показать эндартерэктомия и дуплексное сканирование. Разные методы-сборки соотносятся друг с другом, и только так появляется единый атеросклероз; но единство это проблематично, методы не идеально накладываются друг на друга. Черный ящик никогда полностью не закрывается, и как следствие атеросклероз никогда не един по-настоящему. Как выражается Мол, он «больше единицы, но меньше двух», т.е. не распадается на отдельные заболевания, самостоятельные медицинские категории. Он оказывается «дробным объектом» [Там же: 133]. Ланкастерская школа открывает новое пространство для исследования, ухватывая онтологические оттенки, недоступные ранней АСТ.

Пятое расхождение затрагивает проблему контингентности. У раннего Латура было противоречивое отношение к контингентности. Он разрабатывал мысленные эксперименты, говорил об альтернативных версиях реальности, использовал образ открытого временного горизонта и в то же самое время отрицал метафизику потенциального. Из-за этого противоречия контингентость так

и не была явным образом концептуализирована в симметричной АСТ.

Именно Ланкастерская школа вынесла контингентные феномены на поверхность и прояснила их связь с фигурой Иного. Еще в 1990-е Ло через критику концепции дискурсивности Фуко атаковал изолированную сеть Латура. У Фуко дискурс в принципе контингентен, но скорее напоминает необходимость: он замкнут и не взаимодействует с другими дискурсами очевидным образом [Law 1994: 107]. Так и сети Латура оказываются локальными, изолированными «необходимостями». Мы считаем, что концептуальные новации Ланкастерской школы стоит рассматривать как попытки направить АСТ в сторону контингентности, в сторону более гибких гетерогенных связей. Именно так можно оценить сложный переход от сетей к методам-сборкам.

Однако интуиция контингентности постоянно присутствовала в работах раннего Латура. Когда он все-таки описывал взаимодействия разных сетей, то строил описание в терминах конкурентной борьбы. Например, в XIX веке Р. Кох конкурировал с Пастером в исследованиях сибирской язвы; каждый из них продвигал свои методы и свою версию реальности [Латур 2015: 64-67]. В XX веке Р. Гиймен и Э. Шалли соперничали друг с другом, пытаясь определить структуру гормона соматолиберина [Латур 2013: 49-106]. По раннему Латуру, побеждала та сеть, которая была лучше выстроена. Сибирская язва (или соматолиберин) не может существовать в различных сетях и в разных вариантах. Победитель может быть только один — все альтернативы исключаются из действительности. Но если они борются за одно место, если лишь одна версия может быть укоренена в реальности, то соперники контингентны по отношению друг к другу. Сибирская язва Коха — это возможный вариант сибирской язвы Пастера и наоборот.

Такая подспудная контингентность опирается на метафоры конкуренции. Мы предлагаем называть ее *контингентностью исключения,* потому что самая сильная версия реальности исключает все слабые альтернативы. Контингентность исключения опирается на тезис об онтологической изоляции: именно изоляция отделяет альтернативные сети друг от друга, не дает им сообща конструировать новую действительность. При этом исключение происходит не только между соперничающими сетями; отбор сильных и слабых актантов происходит и внутри каждой конкретной сети. Отсюда берется латуровское различение медиаторов (mediators) и посредников (intermediaries).

Ло и Мол чувствовали, что контингентность в ранней АСТ проблематична. Они не использовали термин «контингентность исключения», но в их работах можно легко найти критику подобных

взглядов. Так, они выступают против плюрализма в исследованиях науки. Плюрализм допускает сосуществование множества перспектив, множества взглядов, легко отличимых друг от друга[1]. Эти взгляды направлены на некоторую общую для них, единую реальность [Mol 1999: 76]. В таком понимании плюрализма легко угадывается социальный конструктивизм и релятивизм. Но допущение единой реальности при разных перспективах возникает и у Латура. Ранняя АСТ опирается на предпосылку, в которой победителем в технонаучном соперничестве может быть только один. Однако почему это так? Почему победителей не может быть несколько? Почему жесткая конкуренция — единственный онтологический сценарий для науки и технологий?

Ло и Мол противопоставляют контингетности исключения свои метафоры взаимодействия и концепцию дробных объектов. Множественны не столько взгляды на реальность, сколько сами реальности; вместо плюрализма следует говорить о множественных онтологиях[2]. Возможные альтернативы не обязательно исключают друг друга, они могут сосуществовать и производить разнообразные дробные объекты. Мол в третьей главе «Множественного тела» описывает некоторые типы коммуникации между альтернативами, необходимые, чтобы атеросклероз как единое явление имел право на существование. В случае успешной коммуникации возможны наложение разных сборок атеросклероза, их объединение в единственном нарративе, их взаимный перевод или даже образование иерархий [Mol 2002: Ch. 3]. Если же коммуникация провалится, то вероятно взаимное исключение, создание «разных» атеросклерозов, их размещение в разных местах и временах [Ло 2015: 132].

Сосуществование разных сборок — это главное открытие Ло и Мол. Дробность объектов и различные сценарии взаимодействия для сетевых образований радикально меняют осмысление контингентности. Теперь разные варианты атеросклероза находятся в более сложных отношениях друг с другом. Мы будем называть такие отношения *со-контингентностью.* Одна версия атеросклероза — это альтернатива для других версий. Атеросклерозы, «произведенные» ангиографическим методом и дуплексным сканированием, могут быть независимы друг от друга, могут дополнять друг друга или вступать в противоречие. И при этом

1 Это отсылка к ирредукционизму Латура, в котором абсолютно симметричное состояние сети предполагает несводимое равенство актантных перспектив.

2 Здесь игра слов: Мол противопоставляет прилагательные *plural* и *multiple*.

они — сборки *одной и той же* болезни. Дробное единство пяти атеросклерозов достигается самыми разными форматами взаимодействия. Конкуренция и исключение — теперь лишь частные случаи коммуникации. Именно благодаря коммуникации между разными сборками, а не изоляции, речь вообще может идти о едином атеросклерозе[1].

За счет переосмысления контингентности Ланкастерская школа радикально расширяет возможности АСТ. Если реальности множественны, как акторы и методологи акторно-сетевого анализа осуществляют свои действия? Теперь условия возможности не столько задают понятие действительности для акторов, сколько сами производятся и реализуются в перформативных процессах [Mol 1999: 75]. Взаимодействие и смешение разных реальностей, порождение и преобразование условий возможности — вот какие вопросы охватывает их онтологическая политика.

Заключение

В конце 1990-х годов в АСТ происходит кризис. Под влиянием внешней и внутренней критики теоретики разрабатывают альтернативы подходу раннего Латура. Среди них возникает особая концепция, которую для удобства мы обозначили как Ланкастерскую школу. Ло и Мол совершенно иначе подошли к проблемам до-, над- и вне-сетевого.

Мы хотели прояснить, что такое Ланкастерская школа и чем она отличается от ранней АСТ. Мы рассматривали Ланкастерскую школу не как исследовательскую группу со своей историей и социальными связями, но как способ аргументации, особый концептуальный стиль. Этот стиль обособился от ранней АСТ и во многом развивался, питаясь противоречиями в социологии власти Латура.

При этом мы подчеркивали, что историю АСТ нельзя представлять как историю войны между двумя школами. Кризис 1990-х годов был гораздо масштабнее, и через АСТ он затронул STS в целом. Ло и Мол пытались решить те же проблемы, что и Э. Пикеринг, Х. Кассинс, Д. Харауэй, которые во многом сочувствовали АСТ. Ланкастерская школа критиковала Латура, но конфликт был тихим, незаметным настолько, что он практически не попал в обзорную литературу. Мы рассмотрели этот конфликт, показав, как развивался концептуальный стиль Ло и Мол.

1 В логике раннего Латура единый атеросклероз возможен только внутри одной сети.

С нашей точки зрения, именно проблема вне-сетевого была главной для Ланкастерской школы. В 1990-е и 2000-е они предложили целую серию концептов, дополнявших и даже замещавших понятие сети: «модусы упорядочивания», «потоки», «дробные объекты», «методы-сборки». В результате Ло и Мол обособились от симметричного акторно-сетевого анализа, иначе осмысляя рефлексивность методолога и взаимодействие гетерогенных образований. Контингентности исключения у раннего Латура они противопоставили со-существование онтологических альтернатив.

Казалось бы, этот шаг открывает новые исследовательские перспективы. Однако мы считаем, что многие ходы Мол и Ло были слишком поспешны и не разрешили всех существующих затруднений вокруг проблемы вне-сетевого.

Во-первых, они не поняли всех преимуществ изоляционистской аргументации. Их концепция градиента от присутствия к Иному не включает, а исключает классические латуровские замкнутые сети. Номинально словарь методов-сборок способен описывать раннюю АСТ [Ло 2015: Гл. 2], но ни о какой закрытой циркуляции не может идти речи: хинтерланд свободно разветвляется от стабильных структур присутствия к бесконечности не-сетевой среды. В понятие хинтерланда не встроено представление о жесткой границе сети. Стремясь направить АСТ на осмысление более гибких образований, Ланкастерская школа не расширила свой охват, а переописала уже существующие концепты, просто избавившись от проблемы изоляции. Именно поэтому Ло использует внешний термин «хинтерланд», говоря о «Лабораторной жизни». Так перед нами вырисовывается дилемма: либо АСТ в латуровском стиле описывает предельно жесткие технонаучные структуры, либо пытается ухватить все разнообразие более «мягких» и слабо упорядоченных формирований в ланкастерском стиле. Совместить эти установки у Ло и Мол не получается.

Во-вторых, Ло и Мол совершенно не учли критику потенциального, которую Латур развернул еще в 1980-е годы [Latour 1988: par. 1.5.1.-1.5.3.]. Поэтому они постоянно говорят об условиях возможности в фукольдианском смысле. Как подчеркивает Н. Автономова, у Фуко это понятие может отсылать не только к структурализму, но и к априорным структурам познания в смысле И. Канта [Автономова 1994: 20]. В действительности сложно понять, считает ли Ланкастерская школа категорию возможного приемлемой для аналитической работы. Но они точно принимают противопоставление контингентного и необходимого, а значит, связывают свои исследования с метафизикой потенциального, вне которой это противопоставление трудно помыслить. Поэтому представление об Ином для

метода-сборки в Ланкастерской школе всегда ассоциируется с открытыми пространствами возможного.

Ло и Мол разрешили парадоксы менеджериализма/макиавеллизма, открыв потоки и дробные объекты. Теперь аналитик не должен концентрироваться на сильных акторах; со-контингентность распределяет бремя ответственности между сосуществующими онтологическими альтернативами. Однако латуровские сети выпадают из модели Ланкастерской школы, а со-контингентность все еще мыслится в рамках метафизики потенциального. Поэтому решение Ло и Мол нельзя назвать окончательным.

Библиография / References

Автономова Н.С. (1994) Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи». М. Фуко. *Слова и вещи*, М.: Прогресс: 7-26.

— Avtonomova N. (1994) Michel Foucault and his book "Words and things". Foucault M. *The Order of Things,* Moscow: Progress: 7-26. — in Russ.

Астахов С.С. (2016) Критическая рецепция акторно-сетевой теории: от макиавеллизма к проблеме Иного. *Философская мысль*, (10): 1-15.

— Astakhov S. (2016) The critical reception of actor-network theory: from machiavellianism towards the problem of alterity. *Philosophical Thought,* 1-15. — in Russ.

Астахов С.С. (2017a) *Проблема контингентности в акторно-сетевой теории,* Диссертация на соискание степени кандидата философских наук, М.: Высшая школа экономики.

— Astakhov S. (2017a) *The problem of contingency in actor-network theory,* dissertation for attaining candidate of sciences degree, Moscow: Higher School of Economics. — in Russ.

Астахов С.С. (2017b) Странная дихотомия: пространство и время в акторно-сетевой теории. *Социология власти*, (1): 59-87.

— Astakhov S. (2017b) Strange Dichotomy: Space and Time in Actor-Network Theory. *Sociology of power,* (1): 59-87. — in Russ.

Вахштайн В.С. (2005) Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории. *Социологическое обозрение*, 4 (1): 94-115.

— Vakhshtayn V. (2005) The return of materiality: «spaces», «networks» and «fluids» in actor-network theory. *Russian Sociological Review*, 4 (1): 94-115. — in Russ.

Латур Б. (2006a) *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии,* СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге.

— Latour B. (2006a) *We have never been modern. An Essay on Symmetric Anthropology.* St.-Petersburg: EUSP Press. — in Russ.

Латур Б. (2006b) Об интеробъективности. В.С. Вахштайн (ред.). *Социология вещей,* М.: Изд. дом «Территория будущего»: 169–198.

— Latour B. (2006b) On Interobjectivity. In V. Vakhshtayn (ed.). *Sociology of Things*, Moscow: Territoriia budushchego press: 169-198. — in Russ.

Латур Б. (2012) Политика объяснения. *Социология власти*, (8): 113-143.

— Latour B. (2012) The Politics of Explanation. *Sociology of power*, (8): 113-143. — in Russ.

Латур Б. (2013) *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге.

— Latour B. (2013) *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*, St.-Petersburg: EUSP Press. — in Russ.

Латур Б. (2014) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*, М.: ИД ВШЭ.

— Latour B. (2014) *Reassembling the Social — An Introduction to Actor-Network-Theory*, Moscow: Higher School of Economics. — in Russ.

Латур Б. (2015) *Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого»*, СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге.

— Latour B. (2015) *War and peace of microbes, with "Irreductions"*, St.-Petersburg: EUSP Press — in Russ.

Ло Дж. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*, М.: Институт Гайдара.

— Law J. (2015) *After Method: Mess in Social Science Research*. Moscow: Gaidar Institute. — in Russ.

Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии. *Логос*, (1): 171-232.

— Laet M., Mol A. (2017) The Zimbabwe bush pump: mechanics of a fluid technology. *Logos*, (1): 171-232. — in Russ.

Руденко Н.И. (2012) Сети, знание и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло. *Социология власти*, (6-7): 38-51.

— Rudenko N. (2012) Networks, knowledge and reality: the problems of social topology in theory of John Law. Sociology of power, (6-7): 38-51. — in Russ.

Amsterdamska O., Hackett E., Lynch M., Wajcman J. (eds) (2007) *The Handbook of Science and Technology Studies*, 3rd ed, Mass.: MIT Press.

Blok A., Jensen T.E. (2011) *Bruno Latour: Hybrid thoughts in a hybrid world*, New York: Routledge.

Brown S., Lee N. (1994) Otherness and the Actor Network: The Undiscovered Continent. *American Behavioral Scientist*, 36 (6): 772-790.

Cussins A. (1992) Content, Embodiment and Objectivity. *The Theory of Cognitive Trails. Mind*, 404 (101): 651 — 688.

Haraway D. (1994). A Game of Cat's Cradle. *Science Studies, Feminist Theory, Cultural Studies. Configurations*, (1): 59-71.

Harman G. (2009) *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*, Melbourne: re.press.

Latour B. (1988) *The Pasteurization of France*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.

Latour B. (1995) Cogito ergo sumus! or psychology swept inside out by the fresh air of the upper deck… (A review of Ed Hutchins Cognition in the Wild). Mind, Culture, and Activity. *An International Journal*, 3 (1): 54-63.

Latour B., Bowker J. (1987) A Booming Discipline Short of Discipline. *Social Studies of Science in France. Social Studies of Science*, 17 (4): 715-748.

Law J. (1991) Introduction: Monsters, Machines and Sociotechnical Relations. *A Sociology of Monsters: Essays on Power, Technology and Domination*, London: Routledge: 1-25.

Law J. (1994) *Organizing Modernity*, Oxford and Cambridge: Blackwell.

Law J. (1997) *Traduction/Trahison: Notes on ANT. Department of Sociology*, Lancaster University (http://www.lancs.ac.uk/fass/sociology/research/publications/papers/law-heterogeneities.pdf)

Law J. (2004) *After Method: Mess in Social Science Research*, London: Routledge.

Law J., Mol A. (1994) Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology. *Social Studies of Science*, 24 (4): 641-672.

Mol A. (1999) *Ontological politics. A word and some questions. Actor-Network Theory and After*, Oxford: Blackwell and Sociological Review: 74-89.

Mol A. (2002a) *Cutting surgeons, walking patients: Some complexities involved in comparing. Complexities*, Durham: Duke University Press: 218-257.

Mol A. (2002b) *The body multiple: ontology in medical practice,* Durham: Duke University Press.

Mol A. (2010) Actor-Network Theory: sensitive terms and enduring tensions. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 50 (1): 253-269.

Pickering A. (1995) *The mangle of practice time, agency, and science*, Chicago: University of Chicago Press.

Schaffer S. (1991) The eighteenth Brumaire of Bruno Latour. *Studies in History and Philosophy of Science, Part A,* 22 (1): 174–192.

Schmidgen H. (2014) *Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography*, New York: Fordham University Press.

Sismondo S. (2010) *An Introduction to Science and Technology Studies.* 2nd ed., Wiley-Blackwell.

Star S.L. (1991) Power, technology and the phenomenology of conventions: on being allergic to onions. *Sociology of Monster,* London: Routledge: 26-56.

Zammito J.H. (2004) A Nice Derangement of Epistemes. *Post-positivism in the Study of Science from Quine to Latour,* Chicago; London: University of Chicago Press.

Рекомендация для цитирования:

Астахов С.С. (2019) Концептуальный стиль Ланкастерской школы в АСТ. *Социология власти*, 31 (2): 18-44.

For citations:

Astakhov S.S. (2019) The Conceptual Style of the Lancaster School in ANT. *Sociology of Power*, 31 (2): 18-44.

Поступила в редакцию: 19.05.2019; принята в печать: 03.06.2019

Received: 19.05.2019; Accepted for publication: 03.06.2019